

МУРЗИЛКА

№ 9

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

СЕНТЯБРЬ
1964

ЖУРАВЛИ

Муса ГАЛИ *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Дни осенние настали,
Золотой пожар зажгли.
И в неведомые дали
Улетают журавли.

Погрустнело поле наше.
Над тобой и надо мной
Журавли крылами машут,
Покидают край родной.

Где-то небо голубое
И цветы не отцвели...
Если б вы меня с собою
Захватили, журавли!

Я б увидел речки, сёла,
Города другой земли...
Но нельзя!
Мне нынче в школу.
До свиданья, журавли!

Перевела с башкирского
Р. КАЗАКОВА

Рис. В. ЧИЖИКОВА

НАУЧИ, СТРАНИЦА, ХОРОШО УЧИТЬСЯ

(Стихи для первоклассников)

Страницу первоклассную
Начну строкою красною:

ВСЕМ
ШКОЛЬНИКАМ
ПРИВЕТ!

ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ

Карандаши цветные
Умеют рисовать
Трубу,
Часы стенные,
Корову
И кровать,
Луну,
Картошку,
Дождь,
И дым,
И сад зимой
И летом,
Лишь надо знать,
Когда, каким
Писать всё это цветом.

Лиловым и коричневым
Рисуй дома кирпичные,
Распаханные пашни,
А красным — флаг на башне,
А синим — саблю острую,
А всеми вместе взятыми —
Толпу народа пёструю
С шарами и плакатами.

Всё нарисует
Карандаш,
Когда ему
Работу дашь, —
Ты сам без дела
Не сиди:
Карандашом
Руководи!

ХВОСТ

Есть хвост
У падающих звёзд,
И у семян
Бывает хвост,
У птиц,
У самолёта
Он нужен для полёта.

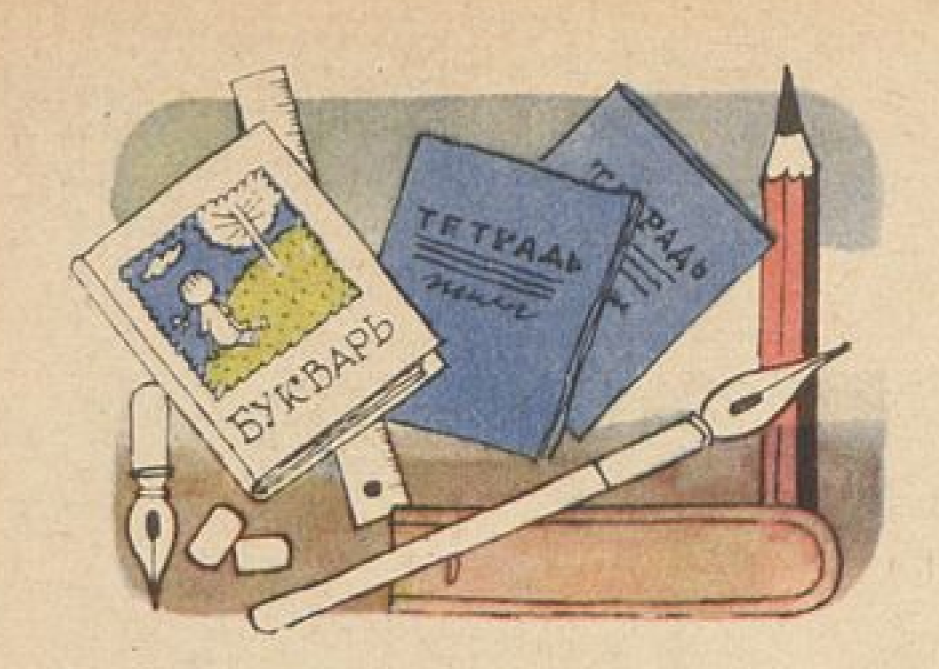
Хвостом корова
Бьёт слепней,
Когда они кусаются.
Для скорпионов
Хвост важней:
Они хвостом сражаются!

У кошки хвост трубою,
Она хвостом гордится.
Но если за тобою
Плетётся «единица»,
Мой вывод будет прост:
Тебе не нужен хвост!

КАК СИДЕТЬ ЗА ПАРТОЙ

Будь первоклассником сознательным,
За партою не вешай носа:
Сядь прямо — знаком восклицательным,
Но не сиди, как знак вопроса!

ТВОЁ ХОЗЯЙСТВО

Ты не маленький ребёнок —
Ученик и октябрёнок!
Твой послушный подчинённый —
Карандашик очинённый,
И перо стальное,
И всё остальное:
Букварь,
Пенал,
Тетрадки, —
Держи ты их
В порядке.
Они твоё хозяйство.
Владей им без зазнайства!

ЧЕРНИЛЬНИЦА

В твоей непроливайке —
В чернильнице твоей —
Живут весёлой стайкой
Отметки всех мастей.

Сидят, болтают ножками,
Шумят себе с утра,
Цепляются ладошками
За остриё пера.

Опустив перо на дно,
Должен помнить ты одно:
Если учишься отменно —
«Пять» поймаешь непременно,
Если будешь ты лениться —
Попадётся «единица»!

ПЕНАЛ

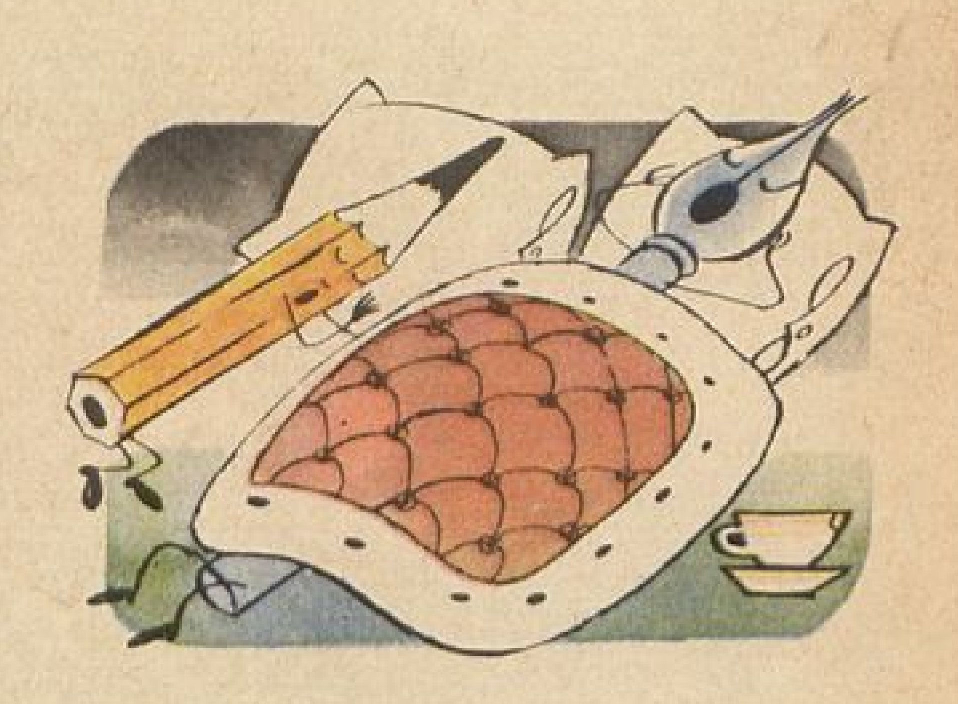
Расскажу я, чтоб ты знал,
Для чего тебе пенал.
У тебя своя кроватка,
Где ты выспался в тиши,
А в пенале дремлют сладко
Перья и карандаши:
Наработаются лишку —
Залезают спать под крышку.

АЛФАВИТ

Входят буквы вереницей
В первый раз
В первый класс.
Чтоб с тобою подружиться,
Знает всяк
Свой день и час.

Буква Я сидит в передней.
Буква Я войдёт последней.

ТЕТРАДЬ И ДОСКА

На доске
Мы пишем мелом,
Пишем ручкою
В тетради...

Несерьёзным занят делом
Тот,
Кто пишет на ограде!

АНВАР И БОЛЬШАЯ СТРАНА

В. БАХРЕВСКИЙ

*Рис. **В. ГОЛЬДЯЕВА***

Анвар — первоклассник. Он задаёт учительнице много вопросов, и ребята смеются над ним.

Однажды он спросил, почему их речка называется не Волга, а Зеравшан. В другой раз он хотел знать, отчего это на карте нет их посёлка и нет горы Сухто. Все понимали: Волга — это Волга, Зеравшан — это Зеравшан. Анвару было стыдно, что он задаёт глупые вопросы. Он перестал спрашивать учительницу и каждый вечер ходил к старому Фархаду.

— Бабай [1], скажи, — спрашивал он, — наш посёлок Айни хороший, но его нет на карте. Учительница сказала: это потому, что он такой маленький. Она сказала, что у нас большая страна. А какая она — большая?

— Ты будешь умный человек, Анвар, — сказал старик, — кто хочет знать, тот спрашивает. Ты вырастешь и узнаешь, какая большая у нас страна.

Долго бы пришлось ждать Анвару, но вдруг большая страна сама пришла в посёлок.

Весь март и весь апрель шли дожди. Маленькие речки наполнились водой и вышли из берегов. Они бежали где придётся. Если на пути у них попадалась дорога, они затопляли дорогу. Встречался большой камень, и речка, которая раньше обошла бы его стороной, теперь набрасывалась на него и валила. А дожди уже стали не дождями — шёл бесконечный, незатихающий ливень. Старая, треснувшая надвое Сухто не выдержала и упала. Упала целая гора, упали её скалы, её лужайки, её лес. Сухто упала в Зеравшан, и река остановилась.

Самые быстрые волны помчались

[1] Бабай — дедушка.

искать путь. Река не может стоять на месте ни одну минуту или даже секунду. Но пути не было. Старую дорогу закрыла Сухто, а со всех сторон к ней подступали хребты Тянь-Шаня. Река забурлила и начала подниматься, как хорошее тесто для пирога.

Анвар никогда не видел, как падают горы. И старый бабай не видел такого, и бабай этого бабая.

Утром другого дня Анвар проснулся от грозного рокота моторов. Он выбежал на улицу.

По дорогам стальной цепью ползли бульдозеры. Рядом двигалась другая цепь, зелёная и быстрая. Это шли колонны грузовиков. Около посёлка появился город. Правда, вместо домов были палатки. В небе кружили серебряные самолёты. Одни шли на посадку, другие улетали. А над новым озером висел вертолёт.

Анвар никогда не видел столько машин и столько людей. Мимо дома строем прошли солдаты. Вместо винтовок они несли на плечах лопаты и кирки. За солдатами ушли к новому озеру все мужчины посёлка. А потом появились люди в высоких бараньих шапках. Это были жители гор. Они пришли помогать людям долины, и Анвар понял, что случилась большая беда.

Из дому вышел отец. В руках у него был узелок с едой. Отец поцеловал Анвара и побежал догонять мужчин.

— Куда он? — спросил мальчик мать.

— К новому озеру.

Анвар помчался в школу. Он, наверное, задал бы учительнице сто вопросов, но учительница сама всё рассказала.

— Сегодня за ночь вода в новом озере поднялась почти на пять метров, — сказала учительница. — Если старая Сухто не выдержит, вода прорвётся и затопит поля.

«Ого! — подумал Анвар. — Пять метров воды — это выше дома. Это может затопить посёлок. А завтра воды будет — к пяти прибавить пять — десять. Десять метров воды! Она проглотит посёлок, а через час домчится до большого города Самарканда и разрушит его». Анвар догадался про это, но никому не сказал, потому что друзья могли испугаться.

— Бояться не надо, — сказала учительница. — Со всей страны летят на помощь самолёты. Они везут учёных, которые укажут новый путь Зеравшану. Видите, сколько машин пришло. Это из одного Ташкента. А скоро придут другие из других городов.

Анвар поднял руку.

— А что делать нам? — спросил он.

— Вы должны хорошо учиться.

— Я хорошо учусь. У меня все пятёрки.

— Всё равно. Ты должен учиться ещё лучше.

Вечером к Анвару прибежал Володька Лопатин.

— Анвар, новую чайхану построили! Там генерал сидит и московский академик. Они пьют чай, а сами приказы отдают.

— Я не пойду, — сказал Анвар. — Я учу.

— Какие теперь уроки? Брось!

— Нельзя. Учительница сказала, что я должен учиться ещё лучше.

— Чудак ты! — удивился Володька.— У генерала, знаешь, какие погоны? Золотые. На штанах у него красные полосы. Толщиной с мою ногу.

Вовка задрал штаны и показал свою ногу. Нога у него была толстая.

— Я потом посмотрю генерала, — сказал Анвар и вздохнул.

Ночь была не такая, как другие. По стенам домика плавали огромные окна. Они переползали на потолок, обходили комнату кругом, гасли и тут же начинали светиться заново. Это был свет фар. Шли машины из других городов помогать отцу Анвара. Наверное, это были двадцатитонные

«МАЗы» — так громко работали их моторы.

— Спешите, — сказал машинам Анвар. Он всё-таки боялся, что их дом затопит вода глубиной в десять метров.

Утром Анвар сказал своей учительнице:

— Вы говорили, что я должен учиться ещё лучше. Я выучил уроки и ещё одни стихи, которые мы будем учить во втором классе.

Учительница вызвала Анвара к доске, и он прочитал стихи, которые они будут учить во втором классе.

— Спасибо, Анвар! — сказала учительница. — Ты хорошо потрудился. Ты потрудился не хуже взрослых, которые уже двое суток не выпускают из рук лопат и не выходят из машин.

В тот день в школе был только один урок. Ребят отпустили домой заклеивать окна полосками бумаги. Крест-накрест, как заклеивали окна в войну, когда в городах рвались бомбы.

Люди, работавшие на новом озере, готовили большой взрыв.

Машины увозили женщин, детей и стариков. Бабай Фархад ехал в машине вместе с Анваром. Он был мрачен и на все вопросы отвечал одним словом:

— Джейхун!

Это было плохое слово. Хуже не придумаешь. Это значило, что человек — жалкая тростинка и ветер сломает его. Это значило, что человек — маленький котёнок и вода смоет и погубит его. Это значило, что человек — крошечная букашка и любой камень раздавит его.

Анвар обиделся на старого Фархада.

— Нет, — сказал он, — мой отец работает на стальной машине, а она сильнее камня. Скоро взорвут горы, и вода пойдёт, куда ей укажут.

Старый Фархад покачал головой.

— Ты ещё мал, Анвар. Ты не знаешь, что в давние времена был прекрасный город Алматау: Его погубило наводнение, и тысячи людей этого города не могли остановить воду. Было много городов: Фарад, Тараз... Это были могучие города, но их смыла вода или засыпали пески. Джейхун!

Анвар не стал спорить. Он только посмотрел на небо, по которому летел на помощь посёлку Айни ещё один самолёт.

Анвар не знал, что этот самолёт летел с Украины. Он вёз рулоны химической плёнки, чтобы покрыть ею дно канала. И могучих взрывов не слышал Анвар. Он был далеко, в безопасном месте, да и грянул взрыв рано утром, когда Анвар спал Одним взмахом, будто прочертили по земле волшебной палочкой, перенёс этот взрыв сто тысяч тонн камней и земли. А через несколько дней прогремел второй взрыв. Он достроил канал, и река побежала дальше.

Теперь Анвар знает, что такое — большая страна. Это много городов и много деревень. Это самые лучшие машины. Это самые умные и бесстрашные люди. Позови — и они придут на помощь. Но если будет трудно им, ты тоже поспешишь на выручку и отдашь им всё, что только есть у тебя.

А джейхун — смешное, старое слово. Человек сильнее сильного ветра. Он властитель большой воды. Он может переставить высокие горы, конечно, если это будет нужно.

И совсем не обидно, что маленьких посёлков нет на карте. Большая страна помнит о них. Анвар теперь это знает.

НОВАЯ ШКОЛА

Сергей АЛЕКСЕЕВ *Рис. А. ИТКИНА*

До Великой Октябрьской революции городская школа называлась гимназией.

Ходят в гимназию дети.

У Кирилла отец помещик. У Павла—важный царский чиновник. Генерал — у Наталии, фабрикант—у Розалии. У тупицы Модеста отец жандарм.

А вот и Сорокин Петя. Нелёгкая жизнь у мальчика. Прачкой работает Петина мать.

В гимназию Петя не ходит. Учение дорого стоит. Нет таких денег у Петиной мамы. За работу она получает гроши.

С утра и до вечера мать стоит у корыта. Стирает, стирает, стирает. Руки до крови трёт. Не знает отдыха Петина мама. Стирает она для Наталии,

стирает она для Розалии. Для Кирилла и Павла, для Модеста и для всех других городских богатеев.

Сын помогает матери. Воду приносит. Колет дрова. В мозолях у Пети руки.

А вечером он доставляет бельё заказчикам. Бежит к фабриканту, бежит к генералу, к жандарму, к помещику, в другие дома несётся.

Презирают Петю богатые дети.

— Хи-хи, — завидя Петю, хихикнет Наталия.

—Хи-хи,— поддержит её Розалия.

— Хо-хо,— рожи состроят Кирилл и Павел.

— Прачка, смотрите, прачка идёт, — тупица Модест зальётся.

Не сдержался однажды Петя. Больно побил Модеста. Правильно Петя сделал. Не испугался того, что у Модеста отец жандарм.

Очень хочется Пете пойти учиться. Да где же ему учиться! Прачка у Пети мать.

Так бы и остался Петя, как много других, безграмотным. Но тут — революция.

Прогнали фабрикантов, прогнали помещиков. Кончилась власть богачей.

И вот уже нет больше Наталии, нет уже больше Розалии. Кирилла и Павла нет. И где тупица Модест — никому не известно.

Всё изменилось. Закрыли гимназию. Вместо гимназии нынче школа.

Новые дети идут на урок.

У Васи Потапова папа рабочий. У Толи — советский служащий. Дворник — у Оли, грузчик — у Поли. У Гриши отец кочегар.

А вот и Сорокин Петя. Вместе со всеми он в школу сегодня идёт.

В новую школу, бесплатную школу, в советскую школу дети идут гурьбой.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Ты не бойся, бабушка!

Рис. А. БРЕЯ

Оказалось, бабушка,
Кружится Земля!
С нею люди кружатся,
Горы и поля!
Оказалось, кружатся
Солнышко с Луной,
Все мои приятели
Кружатся со мной!

Ты ложишься, бабушка,
Вечером поспать,
А кровать-то кружится!
Кружится кровать!
Но не бойся, бабушка,
Знай себе кружись!
Голова закружится —
За меня держись!

А под нами, бабушка,
Есть другой народ.
Вверх ногами ходит он —
И не упадёт.
Вот немного вырасту —
Полечу к нему.
Но не хмурься, бабушка,
И тебя возьму.

Только помни, бабушка,
Там порядок свой:
Все ходить обязаны
Книзу головой.
Но не бойся, бабушка!
Трудно?.. Ну и что ж!
За меня ухватишься —
И не упадёшь!

В. АСТАФЬЕВ *Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА*

СТРИЖОНОК СКРИП

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли, и стрижонку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупке яйца. Она так же стучала перед тем, как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завозились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал её стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили братья и сёстры.

Видно, стрижатам нравилось, что они научились звать маму, и они ещё громче и дружней запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света погасло. Стрижата притихли.

— Скрип! — послышалось издалека.

«Так это ж мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу — первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип! — сказал он. Ещё, мол, хочу.

— Скрип-скрип! — радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас. И опять её не стало.

И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал:

— Скрип! — и даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился он на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели есть. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была старательная мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и рекой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть.

А ещё ему хотелось выползти из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветреные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он

полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз, перебирая короткими лапками. Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его и раз-раз клювом по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно била Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда было Скрипу знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей.

Сидит на вершине берёзы страшный, быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам горластая и жадная ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Побольше подрос Скрип, догадываться об этом стал. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу». Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно

не боялись его. Дружно налетали стрижи — все, как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрый, но и хитрый. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей — Белое брюшко дал отбой, крикнув победоносное «тиу». Но мама-стрижиха ещё гналась за врагом соколом, чтоб уж навсегда отвадить его от стрижиных норок.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе.

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип с братьями и сёстрами был без мамы.

Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы. Голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью в норку нырнул вожак Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассветало, в норку к Скрипу наведалась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и принесли еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова залетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата, не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло — самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Как это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа. Он подтащил его к краю норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу? Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип! — испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собой воду. — Скрип! Скрип! «А если я упаду?» — с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так

радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!», и закружился, закружился над рекой, над берегом, над лесом.

Хорошо жить! Хорошо, когда умеешь летать! «Скрип! Скрип!»

А потом Скрип стал помогать стрижам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал: «Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!»

Скрип много съел в этот день мошек, выпил воды, ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, в полёте и им надо всё время есть, всё время пить. Но день кончился. На закате солнца он ещё раз плюхнулся белым брюшком в воду, разбил раскалённую до красноты гладь реки и полетел, унося на перьях сверкающие брызги. Он поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, и сейчас все норки казались ему одинаковыми.

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу! На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвращался к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть. Одна голова только и входила в норку.

Устал Скрип, есть захотел, и, чуть только забрезжил рассвет, одиноко закружился он над рекой и стал часто повторять своё «скрип-скрип», потому что было ему очень тоскливо. Потом он ещё работал, долго, упорно, совсем устал и завалился спать в неглубокую свою норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру, один мальчишка засунул руку в недостроенный дом Скрипа и вынул его. Что пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами! Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул «тиу».

Все стрижи высыпали из норок, глядят — никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа за поднятую тревогу, но пожалели — молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Скрип сделался стремительным, сильным и ещё больше мог добыть еды и вёртко уходил от сокола, если был один. Отважно нападал на него вместе со всей стаей.

Всё было хорошо. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они уже не залетали в свои норки, лепились молчаливыми рядами на провода и часами сидели на них неподвижно. Садились на землю, клевали глину у осенних луж. Тревога эта, беспокойство передались и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего. И в конце августа, на рассвете вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

— Тиу! — В голосе вожака на этот раз не было угрозы — нет, не на битву он звал.

Взмыл Скрип ввысь и видит — тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу! — звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они почти заслонили собой засветившуюся утреннюю зарю и небо рябило от мчащихся птичек.

— Скрип! Скрип! — тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свиданья! — крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свиданья, Скрип! До свиданья! Прилетай снова к нам! — кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки, не проспавшие утренний клёв.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они тоже в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает. Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

А. ГОВОРОВ

НА ДВОИХ

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

Всегда со старшим братом
Играю
И дружу.
Брат учится в девятом,
Я
В третий класс хожу.
Вчера сыграли в шашки
Разок,
Ещё разок...

Потом
Надели шапки —
И сразу на каток.

И мы недоучили:
Он —
Алгебру,
Я —
Стих...

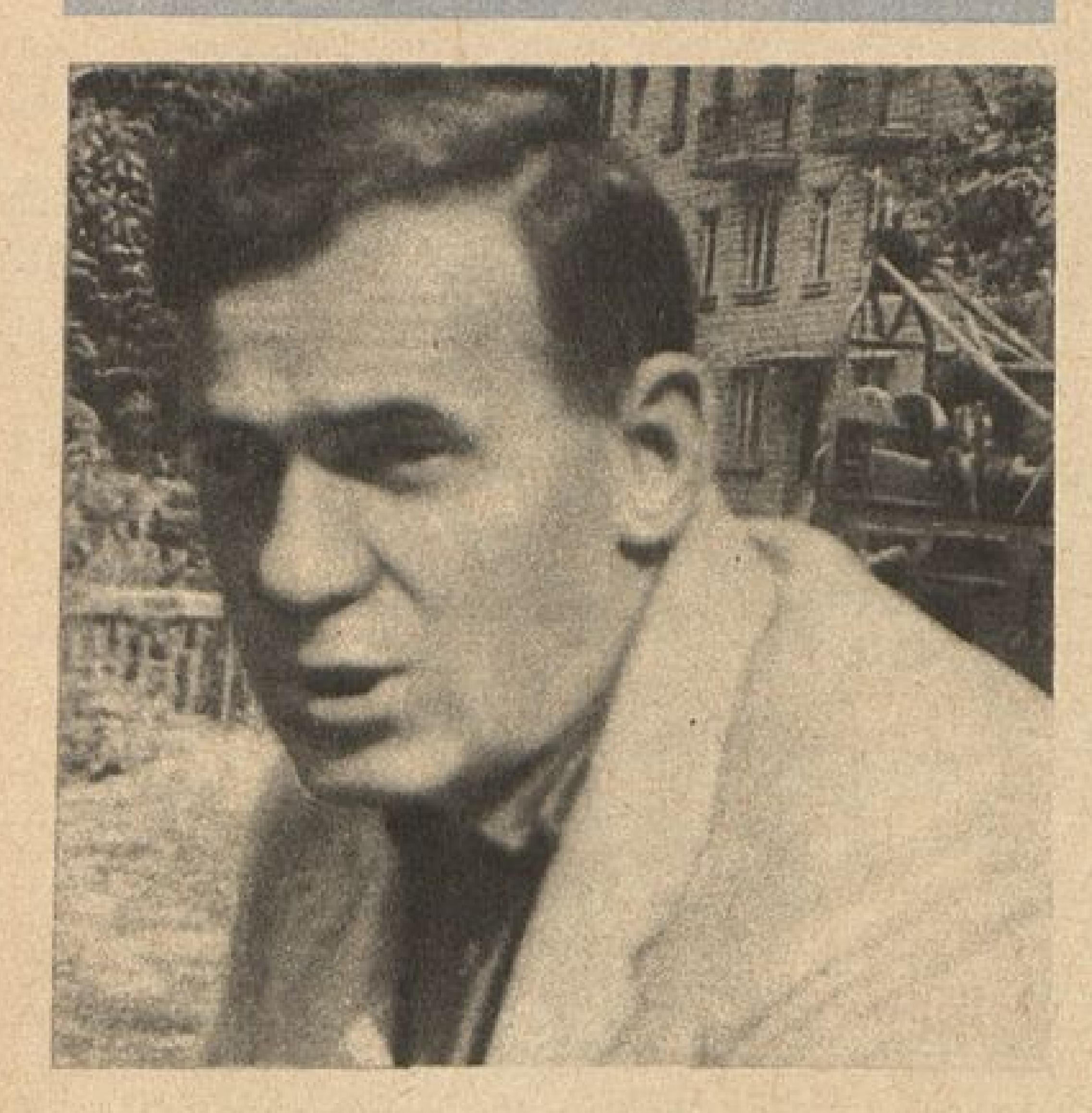

И вот мы получили
«Четыре» на двоих.

Цирк.

ЮВЕНАЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОРОВИН

С. МАРШАК „Мастер-ломастер"

Сегодня мы знакомим вас, ребята, ещё с одним вашим большим другом — Ювеналием Дмитриевичем Коровиным. А может быть, вы уже знакомы с ним? Он сделал замечательные рисунки к стихам, которые вы все читали: «Почта» С. Маршака, «Кем быть?» В. Маяковского, «Чем пахнут ремёсла» Джанни Родари. На рисунках Ю. Д. Коровина всё солнечно, всё празднично, а люди — сильные, ловкие, и очень хочется быть похожим на них, вместе с ними работать.

Рисунки Ю. Д. КОРОВИНА

А. ШМАНКЕВИЧ „Горькие конфеты"

«Делать рисунки для детей, — говорит Ювеналий Дмитриевич, — я начал довольно случайно, но то, что я до сих пор продолжаю этим заниматься, — это уже вполне сознательно и добровольно. Мне нравится рисовать окружающий нас быт и наши мечты, полушутя рассказывать детям в рисунках о серьёзном».

Рисунки и картины Ю. Д. Коровина для взрослых часто показывают на выставках и у нас и за границей. Когда вы подрастёте, тоже посмотрите их.

В. МАЯКОВСКИЙ „Кем быть?"

КАК ПЕРЕПЛЕСТИ КНИГУ

Книгу рассказов о Ленине мы закончим печатать в этом году.

Когда ты получишь 12-й номер журнала, вырежи все рассказы, обложку и делай книгу.

1. Сложи страницы по порядку. Они все пронумерованы.

На первой странице на расстоянии 7 миллиметров от левого края проведи вертикальную линию, как показано на рисунке 1. Такую же линию проведи на обложке.

2. Сложенные страницы прошей в трёх местах по линии на корешке: вверху, на расстоянии 1 сантиметра от края, внизу на таком же расстоянии от нижнего края и посредине.

Каждое скрепление состоит из трёх стежков, похожих на стежки швейной машины (рис. 2). Нитки бери толстые. Сшитые страницы называются книжным блоком.

3. Для переплёта книги возьми лист плотной бумаги и на него наклей обложку. Смеряй толщину корешка будущей книги (4—5 миллиметров) и отложи это расстояние на бумаге от левого края обложки, проведи вертикальную линию и вычерти прямоугольник, равный обложке (нижняя сторонка переплёта). На этом прямоугольнике проведи линию на расстоянии 7 миллиметров от корешка, такую же, как на обложке. Всё это составляет переплёт книги. Вырежь его.

4. Согни переплёт по имеющимся линиям (4 сгиба), в результате чего образуется как бы папка. Пространство между сгибами внутри папки промажь клеем (рис. 4).

5. Возьми книжный блок и вложи его внутрь папки, сначала прижми его к нижней сторонке переплёта, затем корешок к корешку и, наконец, прижми верхнюю сторонку переплёта. При этом линия на первой странице должна совпасть с линией сгиба на обложке.

Если самому трудно будет всё сделать, попроси старших помочь тебе.

Рис. Н. ПОЛЯНСКОЙ

ИМЕНИНЫ

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. И. ИЛЬИНСКОГО

Аникей Фомич шёл из Зарядья на Остоженку. Мартовское утро едва начинало брезжить. В предрассветном небе зловеще чернели двуглавые орлы на кремлёвских башнях. Шаги гулко отдавались по пустынной улице.

На сердце старого Фомича было сумрачно.

Три месяца назад, 7 декабря 1905 года, московские рабочие объявили всеобщую забастовку — остановили станки, погасили топки и с оружием в руках вышли на улицы. На штыках несли красные полотнища с надписью: «Долой самодержавие!» Девять дней бились на баррикадах с царской полицией и войсками.

По примеру Москвы восстали рабочие в Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Уфе, Красноярске... Но у царя было больше сил, больше оружия, а рабочие и крестьяне не научились ещё действовать сообща. Восстание потерпело поражение.

В Москве дольше всех держалась Красная Пресня. Аникей Фомич в числе последних покинул баррикады.

С боями пробивались дружинники сквозь кольцо окружения. Тысячи рабочих погибли в схватке с царизмом.

Аникей Фомич, как и все большевики, тяжело переживал поражение.

Мысли его прервал цокот копыт. Из-за угла показался конный полицейский патруль. Старый дружинник сжал в кармане револьвер, свернул на боковую улицу. Выждал, пока полицейские проскакали, и продолжал свой путь.

Аникей Фомич спешил на именины.

В квартиру врача Удальцова на Остоженке он явился первым. Несмотря на ранний час, подготовка к именинам была в полном разгаре. Больше всех волновался «именинник» — Иван Дмитриевич Удальцов, руководитель большевиков Московского университета. Он с нетерпением поджидал своего боевого товарища.

Деловито поздоровавшись с хозяевами, Аникей Фомич расправил пышные усы и принялся за дело: ознакомился с расположением комнат, осмотрел чёрный ход, заметил себе, на какие улицы выходят окна из квартиры, и занял место в прихожей, у окна. Оттуда хорошо была видна лестничная площадка, освещённая через стеклянный колпак на крыше.

По поручению партийной организации Аникей Фомич должен обеспечить охрану гостей.

Просторная квартира доктора Удальцова постепенно заполнялась людьми.

У дверей то и дело позвякивал звонок. Аникей Фомич выглядывал в окно, подбивал ладонью усы, не торопясь приоткрывал дверь и спрашивал:

— Вы к кому?

— К Ивану Дмитриевичу, — отвечал гость.

— От кого, позвольте узнать?

— От Владимира Ильича.

Аникей Фомич открывал дверь и направлял гостя в кабинет хозяина. Там его встречал секретарь Московского комитета большевиков Виктор Константинович.

— От Замоскворечья я, — докладывался гость.

— От Пресни, — говорил другой.

Виктор Константинович поправлял:

— От Красной Пресни.

— От трамвайщиков, — представился молодой парень.

Пожилая женщина с усталым лицом, глубоко запавшими глазами строго сказала:

— От Трёхгорки.

Было уже далеко за полдень, а участники совещания всё подходили и подходили.

Снова звонок.

Аникей Фомич спросил:

— Вы к кому?

— К Ивану Дмитриевичу.

— От кого? — Аникей Фомич уже приоткрыл дверь, как услышал в ответ неожиданное:

— От самого себя!

Дверь перед гостем моментально захлопнулась.

Встревоженный дружинник поспешил к Виктору Константиновичу.

— Чужой! — прошептал он. — Лицо незнакомое. Пароля не знает.

Виктор Константинович вышел в прихожую, отвернул краешек занавески на окне, выглянул на площадку и радостно воскликнул:

— Наконец-то! — Он широко распахнул дверь. — Добро пожаловать, Владимир Ильич!

Владимир Ильич поздоровался с ним, протянул руку смущённому Аникею Фомичу.

— А я ведь правду вам сказал, что я от самого себя.

По комнатам разнеслась весть:

— Владимир Ильич приехал... Из Петербурга... Рискованно это, ведь шпики за ним — как туча комаров... Знает, что очень он нужен нам сейчас.

Виктор Константинович принялся объяснять Аникею Фомичу, что в случае опасности... Но старый рабочий-дружинник сам отлично понимал, что́ ему надлежит делать.

Он распушил усы и краем глаза глянул в окно, выходящее на Остоженку. Напротив дома, на паперти

Зачатьевской церкви, стояли, опираясь на палки и костыли, рабочие-дружинники, переодетые нищими. Взглянул в окно на Лопухинский переулок. Два извозчика на месте. Аникей Фомич велел им такие цены заламывать, чтобы не было охоты ехать. Посмотрел в угловое окно — тоже порядок. Чистильщик старательно снуёт щётками, начищает полицейскому сапоги. А во дворе на брёвнах дремлет старьёвщик с мешком, будто лишнее выпил. Всё спокойно...

Владимир Ильич обошёл гостей, с каждым поздоровался за руку и по своему обыкновению каждому заглянул в глаза.

— Нет, нет! Революция, товарищи, не закончена! — говорил он убеждённо. — Пресненские и московские герои нанесли сильнейший удар по самодержавию. Их жертвы не были напрасны.

«Пресненские герои...» — повторил про себя Аникей Фомич. Он встал, одёрнул пиджак и, как часовой, прошёлся мимо окон.

Аникей Фомич — мастер по огранке драгоценных камней. Много самоцветов прошло через его руки, и в каждом, искусно объединив грани в точный и сложный рисунок, умел он выявить всю скрытую красоту и игру самоцвета.

Он прислушивается к голосу Владимира Ильича. Слова простые и сильные. Мысль прозрачная. Глаз — зоркий, точный, как у гранильщика.

Владимир Ильич говорит о том, как

Большевики заходили в зал, садились за столы, уставленные кушаньями.

Владимир Ильич сидел за столом и, казалось, ничем не отличался от других: он спрашивал совета, и у него спрашивали.

объединить усилия рабочих всей России, что́ должен делать каждый большевик, чтобы умножить силы революции. Он советует, как и где добывать оружие и где его прятать. Объясняет, почему необходимо в первую очередь во время восстания захватывать же-

лезнодорожные станции, почту и телеграф.

— Мы победим, непременно победим. Как вы думаете, товарищ? — обратился он к женщине со строгими глазами.

— Победим, Владимир Ильич, — отвечает ткачиха. — Наши женщины говорят: подождите, придёт снова пятый год, и мы покажем свою силу.

— Да, народ стал уже не тот, он многому научился и закалился в восстании, — утверждается в своей мысли Владимир Ильич.

Старый Фомич зашёл в зал. Там словно посветлело. Не видно следов усталости и уныния на лицах. Какой решимостью сверкают глаза у «именинника» — Вани Удальцова! Каждый теперь знает, что ему делать. Владимир Ильич, как искусный гранильщик, объединил здесь все таланты-грани в точный и сложный рисунок. Такие всё сумеют, всё выдюжат. Аникей Фомич снова вышел в прихожую. Со двора доносится заунывно и протяжно: «Тряпьё берё-ом! Старый шурум-бурум!» Аникей Фомич сунул руку в карман, ощупал револьвер. Прислушался. Да, он не ошибся. Это был сигнал тревоги. Быстро подошёл к Владимиру Ильичу:

— Уходить вам надо. Немедленно.

Владимир Ильич чуть сощурил глаз: понимаю, мол, — и обратился к товарищам:

— Нам пора расходиться. Но мы забыли, что пришли на именины. Пожелаем молодому хозяину Ивану Дмитриевичу больших успехов в науках и в партийных делах.

Поздно вечером Аникей Фомич возвращался домой. Улицы не казались ему такими мрачными. Двуглавые орлы на кремлёвских башнях сидели ссутулившись и словно одряхлели.

Старый дружинник шагал по гулким улицам ночной Москвы. «Мы победим, непременно победим», — повторял он про себя, и оттого, что Владимир Ильич Ленин был в Москве и находился сейчас в безопасности, на сердце старого гранильщика было светло и празднично, словно именинником сегодня был он сам.

Газета «Искра» подготовила создание в России марксистской революционной партии. В 1903 году был созван Второй съезд, который объединил марксистские кружки, принял партийную Программу и Устав. Душой съезда был Владимир Ильич Ленин.

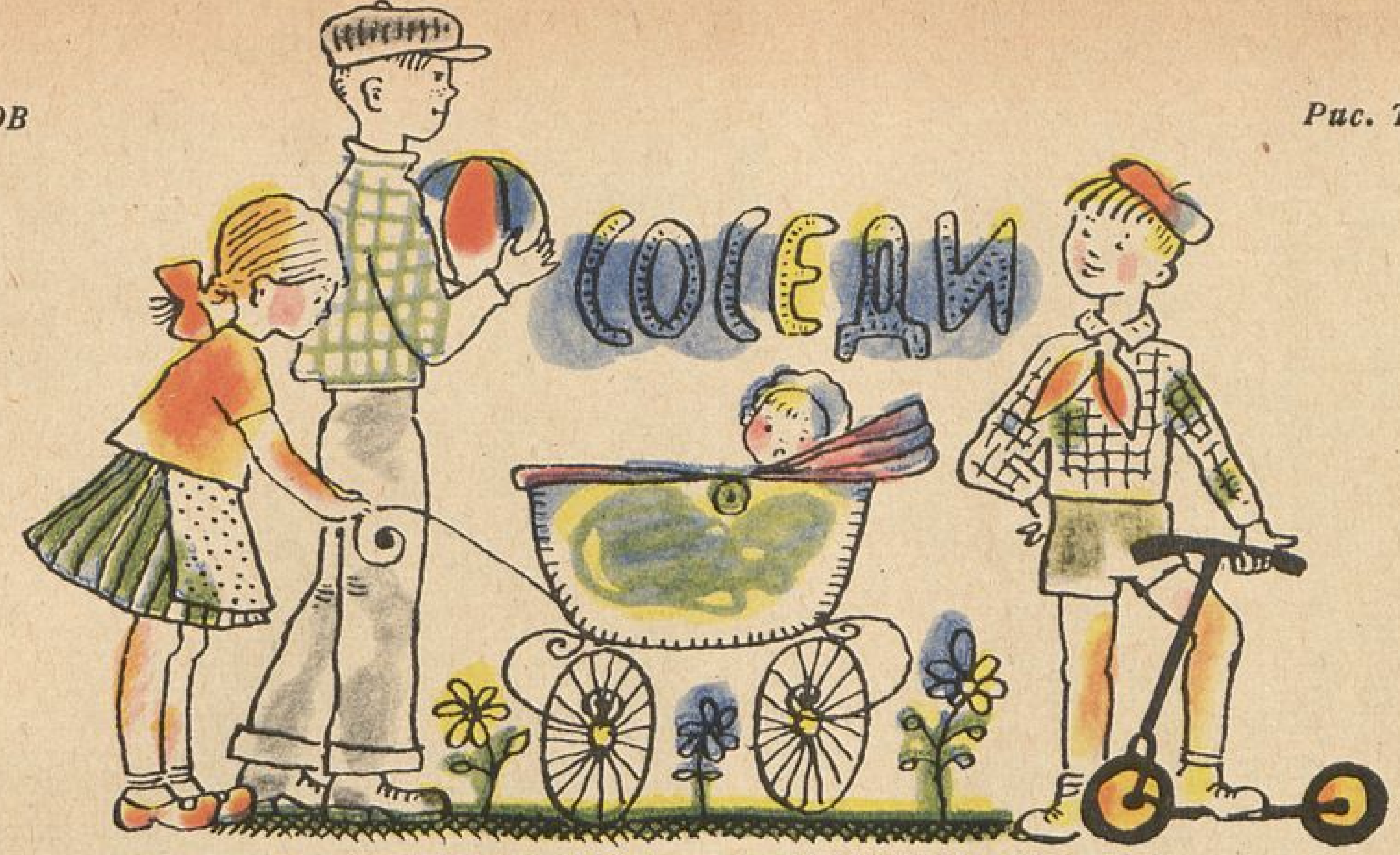
Находясь за границей, Владимир Ильич очень хорошо знал положение в России, он видел, что надвигается революция, и готовил к ней партию и рабочий класс. И когда в январе 1905 года царские войска расстреляли в Петербурге мирную демонстрацию и рабочие стали сооружать баррикады, Ленин оценил это как начало революции.

В ноябре того же года Владимир Ильич получил возможность вернуться в Россию. Каждый день выступал он со статьями в газетах, на партийных собраниях, учил, помогал, появлялся всегда там, где было трудно.

Когда полицейские ищейки напали на след Ленина, партийный центр обязал его уехать за границу. Оттуда Владимир Ильич руководил партией, готовил рабочий класс России к новой революции.

Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

Нам не дядя дядя Федя:
С дядей Федей мы соседи.

Толька тоже наш сосед,
Хоть ему полгода нет.

Если он лежит и плачет,
Нас зовёт на помощь значит.

— Не волнуйтесь, тётя Маша!
Отправляйтесь в магазин.
Мы за вас тут с Толькой вашим
Подежурим, посидим.

Мы везём его в коляске
По дорожке и назад.
Мы ему читаем сказки
И газеты — всё подряд!

Подарила Тольке Света
Про Гагарина плакат.
Мишка — мячик, я — конфету,
А Серёжка — самокат.

Дядя Федя Тольку носит,
Ходит ночи напролёт.
То ли Толька соску просит?
То ли нас к себе зовёт?..

Ночью мы не спим на даче,
Все в тревоге: Толька плачет!

Мы за Тольку все в ответе:
Я и все друзья мои.

Мы же все вокруг соседи.
Значит, все вокруг свои!

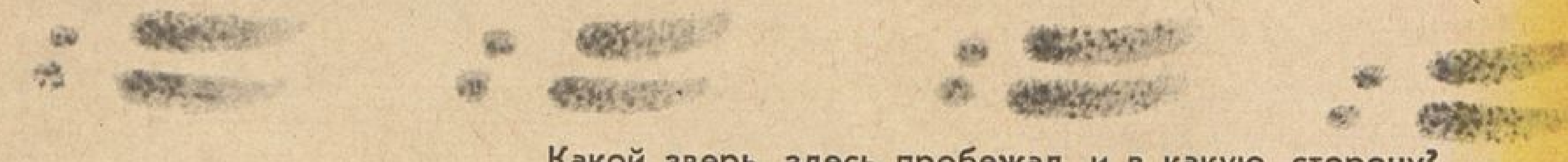
В лабиринте три дорожки. Как побегут ребята к своим номерам?

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

Индекс
70553

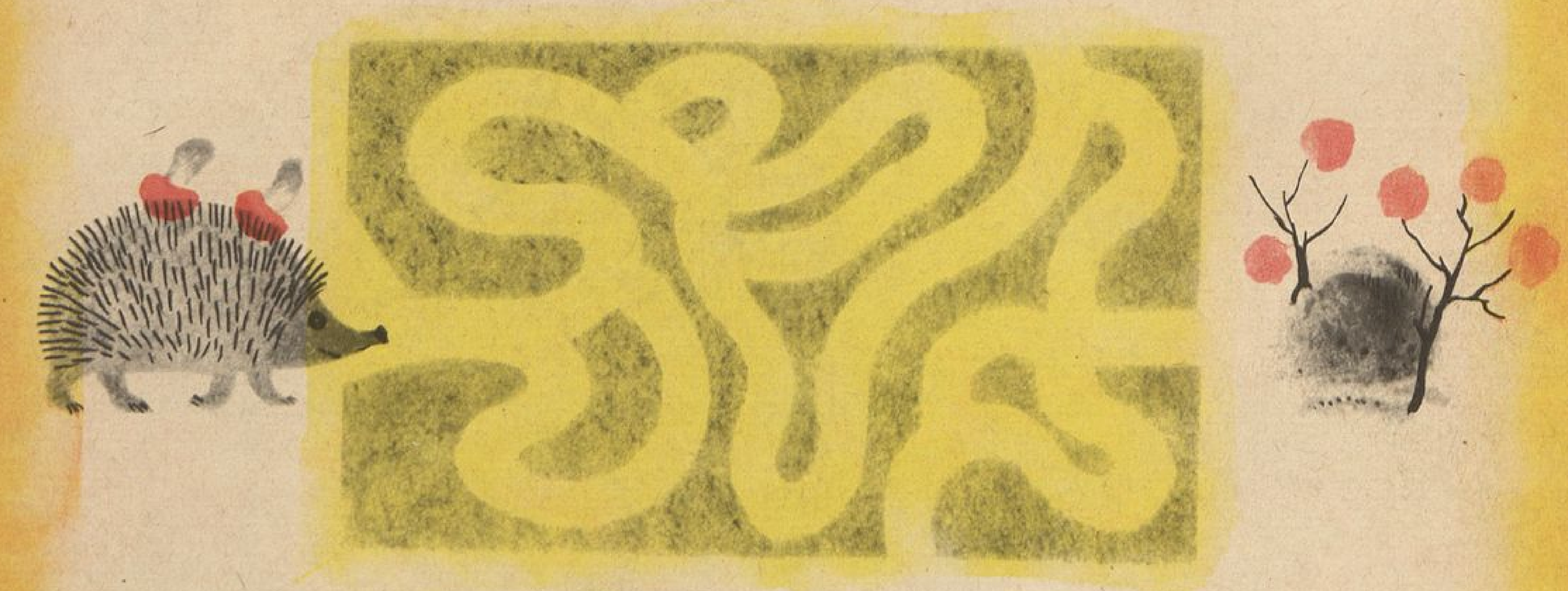
Знаете ли вы деревья?

Ребята! Лист липы нарисован здесь вместе с орехом. А как должно быть? Нарисуйте в своём альбоме плоды и листья правильно.

Какой зверь здесь пробежал и в какую сторону?

Помогите ёжику донести домой грибы.

На обложке рисунок Ф. ЛЕМКУЛЯ

Редактор **А. МИТЯЕВ**
Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв.**
Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **В. Лубкова**
Год издания сороковой. Цена 10 коп. Подп. к печ. 11/VIII 1964 г. Бумага 60×90$^{1}/_{8}$. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1316. Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.